

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 81-11

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ («ЛИНГВИСТИКА СТРУКТУРЫ» И «ЛИНГВИСТИКА ВЫБОРА»)

© 2009 г.

С.Н. Виноградов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vinogradov54@mail.ru

Поступила в редакцию 30.10.2008

Обсуждается ограниченность структурного подхода при семантических исследованиях, заставляющая обратиться к проблеме объекта языкознания. Существенной составляющей данного объекта является деятельностная категория выбора, с которой имеют дело представители различных гуманитарных дисциплин. Выбор языковых единиц и категорий при функционировании языка характеризуется свойством наблюдаемости и выражает антропоцентрический аспект языковых явлений, благодаря чему может использоваться при выделении объекта лингвистических исследований.

Ключевые слова: предмет языкознания, структурная лингвистика, генеративная грамматика, когнитивная лингвистика, функционирование языка, «лингвистика выбора», антропоцентрический аспект языка.

Структурно-лингвистическое направление в прошлом веке дало ряд новых идей и позволило с новых позиций взглянуть на многие традиционные проблемы языкознания. Но чем дальше мы отходим от времени появления канонических образцов лингвистического структурализма, тем отчетливее становится круг вопросов, на которые структурализм не дал ответа. Для индуктивных наук, к числу которых относится и языкознание, первостепенное значение имеет определение того, что и как следует наблюдать. Объект наблюдения в рамках структурализма, как правило, очерчен очень строго. Так, в американской дескриптивной лингвистике объектом наблюдения является дистрибуция текстовых единиц, выделение которых опирается на традиционные для любой эмпирической науки приемы фиксации объективно существующих данных, а описание их свойств подчиняется формально определенным непротиворечивым процедурам. Характерно, что самые впечатляющие практические результаты, связанные со структурализмом, обнаруживаются там, где исследователи опираются на наблюдения материальной стороны, материальной структуры речи, текста (методики дешифровки, изучение бесписьменных языков, синтез звучащей речи, автоматизация информационного поиска с использованием ключевых слов). Воодушевлен-

ные первыми успехами структурного метода, лингвисты попытались перенести наработанные структурные методы на изучение семантики. При этом исследователи столкнулись с огромными трудностями. Кризис структурного подхода к семантике проявился в том, что лингвисты так и не пришли к единому пониманию значения, а в последние годы все чаще отказываются от этого термина, заменяя его другими. Практические результаты, к которым стремились исследователи, занимающиеся структурной семантикой, так и не получены. Отсутствуют реально работающие системы, основанные на семантических информационных языках – на языках «семантических множителей». Не существует систем распознавания звучащей речи, которые не надо настраивать на диктора и которые не привязаны к акустико-артикуляционным особенностям конкретного говорящего лица. Поиск в Интернете осуществляется по простейшей методике, которая возникла в середине прошлого века, – по ключевым словам, а все процедуры их смыслового упорядочения происходят в голове пользователя. Инженерные разработки, связанные с обработкой языковой информации, фактически не могут опереться на какую-либо глубокую концепцию языковой семантики. Все достижения в области формальных языков, программирования, систем так на-

зываемого искусственного интеллекта представляют собой область интеллектуального конструирования, конструктивно-техническую сферу деятельности и не имеют отношения к языкознанию.

Другое проявление указанного кризиса – фактический отказ от понимания науки о языке как эмпирической индуктивной дисциплины. Семантика рассматривается не как реальность вне исследователя, а как мысленный конструкт, порождение его сознания. Если вести летопись от структурализма, то начинается эта тенденция от Л. Ельмслева, представившего язык как дедуктивную систему, подобную математическому исчислению. На наш взгляд, теория глубинных структур имеет ту же методологическую основу. Глубинные структуры представляют собой мысленные конструкты, не наблюдаемые непосредственно, а постулируемые для создания некоторой теории языка. Любая теория должна опираться на определенные постулаты, но когда без доказательства принимается наличие не просто некоторых сущностей, но также их сложной структуры, то постулируется слишком многое. Это обнаруживается при столкновении теории с реальностью. Как курьез можно привести формулировку «главного парадокса развития генеративной грамматики»: «от ее первоначальной теории осталась лишь фундаментальная концепция о врожденной языковой способности человека с независимыми внутренними закономерностями» [1, с. 13]. Достоин удивления то, что от генеративной грамматики остается так мало. Что здесь понимается под независимыми внутренними закономерностями? В дальнейшем изложении обнаруживается, что данная теория предполагает выделение некоторых грамматических конструкций (причем выделение достаточно произвольное, безотносительно к стилю языка, ситуации, целям общения, особенностям коммуниканта и т.д.) и формальную интерпретацию данных конструкций. Очевидно, что эти процедуры носят конструктивно-нормативный характер. Результаты подобных исследований могут быть использованы в конструировании формальных языков (просто потому, что измыслить можно все, что угодно), но не ведут к новому пониманию языка, к углублению знания языка как универсального средства общения.

В последние десятилетия активно развивается когнитивная лингвистика, изучающая язык как средство мышления и познания. Нельзя не признать, что данная дисциплина еще не устоялась и ее методы неоднородны по своим методологическим предпосылкам, по своим фило-

софским основаниям. Представляется, что во многих случаях когнитивные рассуждения являются лишь «терминологическим переименованием» генеративной грамматики. Так, не проявлено различие между когнитивными структурами и ментальными моделями. С другой стороны, можно только приветствовать заявленные цели когнитивной дисциплины, которая ставит во главу угла антропоцентрический подход к языку. Там, где этот подход используется *de facto*, имеет в своей основе наблюдение поведенческих, деятельностных явлений, появляются новые идеи и принципиально новые результаты. Например, в работах Дж. Лакоффа [2, 3] классическому взгляду на категории противопоставляется деятельностное исследование категоризации, которое дает убедительное объяснение причин «иррациональной» группировки предметов, в том числе и возникновения языковых классов.

В этих условиях, на наш взгляд, следует сосредоточить внимание на проблеме объекта языкознания. Что и как следует наблюдать, чтобы получить новые научные данные о языке, чтобы продвигаться вперед в исследовании этого сложнейшего явления? Может быть, очерчивая объект этого наблюдения, мы столкнемся с тем, что он обладает некоторыми неожиданными свойствами, неочевидными системными связями с другими частями мироустройства. Материальная структура мира – то, что «лежит на поверхности», то, что в силу исторических причин относительно глубоко изучено. Исследователи с естественно-научным складом мышления психологически более склонны к пониманию материальной структуры языка, которая может изучаться с помощью физико-математических методов. Но когда исследователь вступает в область семантики, он сталкивается с принципиально новыми явлениями, которые должны быть описаны и объяснены как особый объект исследования.

Представляется, что самое общее название этого объекта – человеческая деятельность. С точки зрения своих проявлений и своей важности для человека она столь же обширна и глубока, как и физический мир. Построение научной картины деятельности столь же актуально, как и построение физической картины мира. Изучение языка – один из важнейших источников научных методов, с помощью которых может решаться эта задача. Сам язык может быть представлен в некотором смысле как деятельность. Разумеется, идеи, связанные с деятельностным аспектом языка, высказываются уже давно, рассеяны на страницах многих лингвистиче-

ских трудов. Достаточно напомнить мысль В. Гумбольдта о том, что язык – не результат деятельности, а сама эта деятельность, положения А.А. Потебни о том, что слово есть средство образования понятий, что первое простое слово есть уже суждение, концепцию Пражской лингвистической школы (язык как система средств выражения, служащая определенной цели), понятие языковой нормы как правила выбора одного из предоставляемых языком вариантов и многое другое.

В ряде статей [4, 5, 6] нами предлагается концепция аксиологического аспекта языка, основанная на предельно широком понимании ценности, которая играет огромную роль в механизме деятельности. Ценность всегда выступает как материально выраженная оценка, которая, в частности, может быть воплощена в языковых средствах. Оценки представляют собой модель выбора ценности, наибольшей с точки зрения индивида или некоторой общности людей.

Слово «выбор» – это обозначение предельно широкой деятельностной категории. При изучении функционирования языка его исследователи и представители смежных научных дисциплин постоянно имеют дело с языковым (речевым, текстовым) выбором. Говорящий выбирает средства выражения своей мысли. Слушатель выбирает одно из возможных пониманий воспринимаемой речи. Речевая культура основывается на выборе наилучшей по ряду критериев речевой структуры. Человек, формулируя свою мысль, выбирает способ упорядочения (категоризации) языкового материала (лексических классов, морфологических и синтаксических категорий и т.д.). Словарь синонимов представляет собой модель выбора лексической единицы с учетом ее содержания, стиля речи, ситуации употребления и т.д. Текст – «рабочее решение» некоторой проблемы, результат выбора лексики, синтаксических и иных структур, отражающий личность говорящего, его цели, ситуацию общения и т.д. Число примеров ситуации выбора при использовании языка можно увеличивать. Представляется, что «лингвистика выбора» – это совокупность лингвистических подходов, предполагающая свой взгляд на язык, свой объект наблюдения и с этой точки зрения аналогичная «лингвистике структуры». Но в «лингвистике выбора» явно сильнее выражено «человеческое измерение», антропоцентрический подход к языку. Поэтому категории ценности, оценки, выбора могут быть использованы для выделения объекта лингвистических исследований. Разумеется, все созданное в рам-

ках структурного подхода должно быть творчески осмыслено и может найти свое место в изучении других аспектов языка. Такие понятия, как «оппозиция», «дистрибуция», «лингвистическая модель», являются ценными научными инструментами и могут «работать» в различных лингвистических концепциях.

В качестве иллюстрации возможностей «лингвистики выбора» можно привести феномен текста. Текст представляет собой результат разрешения некоторой проблемной ситуации, и анализ причин выбора текстовых единиц может быть использован для изучения этой ситуации [7]. В тексте содержатся метаязыковые средства, представляющие собой модели выборов [там же, с. 182]. Частотность использования лексических единиц позволяет выбрать наиболее существенные для выражения концептуального содержания текста. Представление о выборе текстовых единиц, методика изучения такого выбора позволяют следующим образом конкретизировать положение Ю.М. Лотмана о тексте как интеллектуальном устройстве: текст указывает пути выбора в нем наиболее существенной информации, вербализирует (эксплицирует) причины и цели его создания и в значительной степени структурирует содержащуюся в нем информацию, устанавливая связи между понятиями, выраженными текстовыми единицами и фрагментами. Крайне важным представляется то, что подобные исследования имеют под собой наблюдаемую материально выраженную основу – деятельность носителей языка, осуществляющих выбор текстовых единиц, и материальную структуру самих этих единиц. Наблюдаемость и антропоцентричность делают «лингвистику выбора» перспективным направлением гуманитарных исследований.

Список литературы

1. Бейлин Дж. Краткая история генеративной грамматики // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М.: Едиториал УРСС, 2006. С. 13–57.
2. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12–51.
3. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М.: Изд-во Прогресс, 1996. С. 143–184.
4. Виноградов С.Н. Некоторые аксиологические аспекты языкового выражения научного понятия // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сб. ст. по матер. межд. науч. конф., посв. 90-летию проф. Б.Н. Головина. Нижний Новгород: Изд-во

Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2006. С. 101–103.

5. Виноградов С.Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры: Матер. межд. науч. конф. РОПРЯЛ. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2007. С. 93–97.

6. Виноградов С.Н. Аксиологический аспект словоупотреблений и текстовых повторов // Вестник ННГУ. 2007. № 6. С. 265–269.

7. Виноградов С.Н. Текстовый лексический выбор как отражение проблемной ситуации // Языковая семантика и образ мира: Матер. межд. науч. конф., г. Казань, 20–22 мая 2008 г.: В 2 ч. Ч. 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. С. 182–184.

**ON THE SUBJECT OF LINGUISTICS
(«LINGUISTICS OF STRUCTURE» AND «LINGUISTICS OF CHOICE»)**

S.N. Vinogradov

The paper is focused on the limitations of structural approach to semantic research that make one turn to the problem of the subject of linguistics. An important component of this object is the pragmatic category of choice with which representatives of various disciplines in the humanities have to deal. The choice of language units and categories in language functioning is characterized by observability and manifests the anthropocentric aspect of language phenomena. Thus, it may be used to identify the object of linguistic research.

Keywords: subject of linguistics, structural linguistics, generative grammar, cognitive linguistics, activity, language functioning, «linguistics of choice», anthropocentric aspect of language, observability.